

Хозяин чайной лавки неотступно следовал за Юань Сяо, наблюдая за происходящим. Когда всё было закончено, он подошёл ближе, и его морщинистое лицо расплылось в цветущей улыбке. Юань Сяо, взглянув на него, сразу понял, о чём тот думает, и обратился к двум ближайшим солдатам:

— Вы двое, почините хозяину навес.

Сказав это, он оставил хозяина, который всё ещё подбирал слова, и удалился.

Ранения Ван Чэнцяня не были тяжёлыми; серьёзнее всего — стрела в спину. Вся кровь на его теле наполовину была его собственной, наполовину — чужой. Он рухнул у чайной лавки, потому что его преследовали почти полмесяца. Израненный и обессиленный, он взобрался на городскую стену, где у него закружилась голова, и он свалился вниз.

— Ты знаешь, кто тебя преследовал? — спросил Юань Сяо, едва Ван Чэнцянь пришёл в себя.

Тот лежал во временном лагере столичной охраны, а два лекаря накладывали ему повязки. Юань Сяо сидел рядом, держа в руках меч Чэнцянь. Клинок был отточен до бритвенной остроты — действительно, прекрасное оружие. Выслушав причину ранения, Юань Сяо без предисловий задал свой вопрос.

— Конечно, из Павильона Недеяния. Полмесяца назад я спас от них одного человека, а теперь сам стал их мишенью.

— Зачем ты им понадобился? — продолжил Юань Сяо.

— С чего бы мне рассказывать тебе? — ответил Ван Чэнцянь.

Даже едва оправившись от ран, он оставался верен принципу Усадьбы Восьми Ветров — никогда не уступать. Причину он не раскроет, даже если Юань Сяо спас ему жизнь.

— Ван Чэнцянь, если не скажешь ты, я узнаю сам. — Юань Сяо двумя пальцами щёлкнул по отполированному лезвию меча.

Клинок загудел протяжным звоном, похожим на крик похищенной девушки.

(XXI)

— Эта Печать Счастья и Несчастья — подделка. — Юань Сяо взял печать, переданную ему Ван Чэнцянем, осмотрел с обеих сторон и бросил обратно.

Ван Чэнцянь только что вернул свой меч и нежился им, как вдруг печать угодила ему прямо в лоб, едва не оглушив.

Он судорожно поймал нефритовый квадратик и гневно уставился на Юань Сяо:

— Что ты несёшь? Какая подделка?

Через мгновение его осенило:

— А... Понял! Хочешь выманить у меня эту драгоценность, да?

— Верить или нет — дело твоё. Все эти годы Печать Счастья и Несчастья считалась утерянной. Сколько придворных сановников и мастеров боевых искусств её искали — как же она могла

запросто попасть в руки западному человеку, да ещё тому, кого гоняет по свету какой-то безвестный ученик Павильона Недеяния? Я верю в твою проницательность, Ван Чэнцян. Вряд ли ты готов погибнуть за подделку.

Слова его звучали с непоколебимой уверенностью, а взгляд был остёр, как лезвие. Ван Чэнцян покачал головой и, приподняв бровь, спросил:

— Тогда скажи, зачем мне всё это?

— Благодарю вас, лекари. Можете идти, за пределами лагеря вам выплатят вознаграждение. — Юань Сяо отпустил обоих лекарей и лично проводил их до выхода.

Те были в поту — наполовину от усталости, наполовину от напряжённых намёков в разговоре. Будучи простыми врачами, они боялись впутываться в какие-либо интриги, поэтому, услышав слова Юань Сяо, поспешно удалились, едва не забыв попросить оплату.

Проводив их, Юань Сяо осторожно уселся перед Ван Чэнцянем.

— Ван-шаося, ты, должно быть, заметил нечто подозрительное. Не лучше ли обсудить это вместе и найти решение?

— Что ж, не стану скрывать. В конце концов, ты — Юань Сяо, Возрожденный Яма. Кто в мире боевых искусств тебя не знает? Полмесяца назад я случайно заполучил эту печать и не сомневался в её подлинности, пока один торговец драгоценностями не открыл мне глаза. Угадай, что он сказал? «Уважаемый, у вас в руках прекрасный нефрит». Но в эпоху Цинь Шихуанди не было такого хорошего нефрита! Вот тогда я и понял, что это подделка.

Потом за мной начали охотиться, и их мастерство явно превосходило всех предыдущих преследователей. Я заподозрил, что кто-то специально подсунул мне эту печать, чтобы выманить. Они преследовали всё яростнее, и я, не справляясь в одиночку, устремился в Центральные равнины, надеясь вернуться в Усадьбу Восьми Ветров. Но в столице меня подстерегли. И что самое странное — они действовали прямо в столице, не боясь ни Управления пяти городских округов, ни столичной охраны. Уверен, за ними стоит могущественный покровитель.

Ван Чэнцян сжал кулаки, глаза его расширились. Он чувствовал, что его раны — всего лишь часть чужого заговора.

— Печать Счастья и Несчастья действительно использовали как приманку, но не обязательно для тебя. Ты просто оказался под рукой. Не будь тебя, нашёлся бы другой Чэнцян. Цель — не убить тебя, а распространить слухи о печати и взбаламутить мир боевых искусств. Тогда и праведники, и злодеи будут заняты поисками, и любые крупные передвижения останутся незамеченными — всё списывается на печать. А если волнения достигнут дворца, в мутной воде и ловить рыбу будет сподручнее.

Выслушав, Ван Чэнцян не мог не согласиться. Он нахмурился и тихо спросил:

— Но кто хочет сеять смуту в мире боевых искусств? И кому нужно ловить рыбу в мутной воде?

— Кто знает? — улыбнулся Юань Сяо.

Улыбка его была то ли уверенной, то ли загадочной.

— Ван-шаося, одолжишь мне Печать Счастья и Несчастья?

— Зачем? — насторожился Ван Чэнцянъ.

— У меня есть план, но нужно обсудить его с Тан Юанем.

Услышав это имя, Ван Чэнцянъ нахмурился ещё сильнее, и неприязнь в нём вспыхнула с новой силой.

— Тан Юань? Горький даос Тан Юань? Юань-шаося, круг твоего общения и впрямь широк.

— Я знаю, что у тебя с Горьким даосом старые счёты.

— Не у меня, а у Усадьбы Восьми Ветров с ним вражда.

Когда-то Тан Юань явился в усадьбу и одним ударом убил третьего старейшину, после чего исчез.

Позже грязные дела того старейшины всплыли наружу, и репутация усадьбы сильно пострадала. Тан Юань же не сказал в их защиту ни слова. Ван Чэнцянъ понимал, что вина лежала на усадьбе: даже если ни он, ни его отец не знали о происходящем, ответственность они несли.

Тан Юань действовал во имя справедливости, но он же и опозорил усадьбу. Ждать от них благодарности было бы наивно.

— Тем лучше. Это шанс уладить старые разногласия и превратить врагов в союзников. — Юань Сяо взял печать и поднялся, собираясь уйти. — Нельзя же из-за вашего одиозного третьего старейшины портить отношения двум редким молодым талантам нынешнего Улина.

Он сделал шаг к выходу, но остановился и, слегка повернув голову, словно в предупреждение, добавил:

— Ван-шаося, тебе лучше как следует отдохнуть и не слоняться без дела. Это лагерь столичной охраны.

На Тереме Дымной Воды два молодых мастера обменялись поклонами. На небе восходила луна, а птицы, возвращаясь в гнёзда, кружили вокруг островерхой крыши терема, прежде чем с громким карканьем опуститься у лесного озера.

— Надеюсь, всё пройдёт гладко.

— С Горьким даосом на нашей стороне, уверен, так и будет. Может, выпьем чаю за успех?

Они переглянулись и улыбнулись. Подняв чашки с женьшеневым чаем, они выпили их до дна, словно это было дорогое вино.

— Тогда, пожалуй, я пойду? — Шэнь Дуань поставил чашку и взглянул на Тан Юаня.

— Спасибо за труды. Оставь настоящую Печать Счастья и Несчастья. — Тан Юань протянул руки.

Шэнь Дуань колебался. Было видно, как нелегко ему расставаться с печатью: родимое пятно в форме персикового цветка на его лице исказилось, словно увядающий бутон. Но в конце концов

он достал из-за пазухи нефритовый квадратик.

Эта «настоящая» Печать Счастья и Несчастья выглядела слишком заурядно. Даже в захудалой лавке ей не дали бы высокой цены. Некачественный нефрит, посредственная резьба, следы времени и сколы от падений. Она была настолько обыденной, что даже подделка казалась ценнее.

<http://bllate.org/book/16265/1463631>